

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 9

Санкт-Петербург
2015

ББК 63.3(2)
УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

д.и.н. Т.М. Китанина, к.и.н. Ю.В. Бучатская

Н50 Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII—XX вв. Вып. 9 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2015. 425 с.

ISBN 978-5-88431-284-5

В девятом сборнике «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII—XX вв.» представлены научные статьи о жизни и многообразной деятельности жителей Санкт-Петербурга немецкой национальности на протяжении трех веков.

Читатель познакомится с судьбами отдельных личностей, семей и немецких организаций, внесших вклад в развитие многообразных сфер жизни столицы России.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России, Санкт-Петербурга и судьбами горожан.

*Издание осуществлено
из средств бюджета Генерального консульства
Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких
отношений «Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе
в Санкт-Петербурге».*

ISBN 978-5-88431-284-5

© МАЭ РАН, 2015
© А.Ю. Харитоновна, обложка, 2015

Е.Н. Груздева

ИСТОРИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МАРГАРИТА ЭМИЛЬЕВНА ЛИБТАЛЬ

В церковной книге столичного евангельско-лютеранского прихода Св. Михаила за 1889 г. была сделана запись о том, что 29 октября (ст. ст.) была крещена Маргарита Анна Луиза Либталь (Liebthal), дочь вольмарского¹ гражданина, немца Эмиля Фридриха Германа Либталь, управляющего фабрикой, и его жены Каролины, урожденной Керкер². Родилась девочка 11 сентября 1889 г. в Санкт-Петербурге. Позднее в семье появились еще две девочки. Все дочери получили среднее образование в немецкой школе при соборе Св. Петра — Главном немецком училище (Петришуле). Маргарита по его окончании получила золотую медаль. За годы учебы в школе она приобрела и первый опыт преподавания — давала частные уроки.

В 1909 г. для продолжения образования М. Либталь поступила на словесно-историческое отделение Женского педагогического института, за годы учебы зарекомендовала себя как серьезная слушательница. Еще будучи на IV курсе, Маргарита Либталь подала прошение о допущении ее к сдаче испытаний за университетский курс и за 1913 г. сдала бóльшую часть экзаменов³. В качестве дипломного сочинения девушка представила профессору А.Г. Вульфису⁴, специалисту по западноевропейской истории Нового времени, работу «Идея/учение о республике у Руссо и Монтескье», в которой профессор отметил «несомненные достоинства» и дал следующий отзыв: «Работа очень хорошая и вполне заслуживает высшую оценку»⁵. Во время весенней сессии 1914 г. М. Либталь успешно сдала экзамены по оставшимся дисциплинам⁶ и получила диплом, подтверждающий знание курса российского университета⁷ и дававший право на преподавание в любых учебных заведениях и занятие научной работой.

Как способная слушательница, проявившая интерес к научным изысканиям, М.Э. Либталь по предложению профессора А.Г. Вульфуса была на два года оставлена при институтской кафедре новой истории для «усовершенствования в науках»⁸. Это давало возможность продолжать индивидуальные занятия по избранной теме под руководством профессора и пользоваться богатой библиотекой института. Девушка посещала занятия своего научного руководителя и на Высших женских курсах, где Вульфус читал курс Новой истории. Постепенно она расширяла круг занятий — включилась в работу семинаров Э.Д. Гримма, И.М. Гревса, Е.В. Тарле⁹.

Но подготовка к научной карьере не могла обеспечить ее материально, и М.Э. Либталь, используя диплом педагогического института, устроилась на преподавательскую работу. Поскольку за время учебы в институте она освоила две специальности — историю и немецкий язык, то смогла вести уроки истории в частной гимназии Федоровой, а немецкий язык — в Тенишевском училище и старших классах Смольного института¹⁰.

После закрытия в 1917–1918 г. ряда учебных заведений Маргарита Эмильевна сумела получить часы занятий немецким языком в I Высшем педагогическом институте (бывшем Женском педагогическом институте), Красноармейском учительском институте им. Толмачева¹¹ и уроков истории в 4-й трудовой школе (бывшей Петришule, где учебной частью заведовал А.Г. Вульфус). После слияния педагогических институтов (1922) она перешла на должность старшего ассистента Педагогического института им. А.И. Герцена по кафедре немецкого языка и его истории. Ее педагогическая нагрузка в 1920-е годы заключалась в проведении практических занятий по истории культуры Германии (на немецком языке), по истории социализма Германии¹², в чтении и толковании текстов сочинений немецких публицистов — Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Меринга и др. М.Э. Либталь вела занятия и по немецкому языку, совершенствуя методику преподавания предмета¹³. Бывшие студенты, вспоминая учебу в институте в 1927 г., составили словесный портрет Маргариты Эмильевны на семинаре по аналитическому чтению: «Преподавательница, немолодая и неторопливая женщина невысокого роста, с тихим голосом, начала читать “Поэзию и правду” Гёте, поясняя трудные обороты и кратко рассказывая о людях, чьи имена упоминались в тексте»¹⁴.

Все эти годы Маргарита Эмильевна не прекращала и научных занятий по истории. Первые темы, которые она разрабатывала само-

стоятельно, относились к средневековой истории («Меровингские короли по “Истории франков” Григория Турского», «Блаженный Августин и неоплатонизм», «Разбор литературы по Возрождению») или к истории французской общественной мысли XVIII в. («Республика в учении Монтескье», «Политическая система Руссо», «Общественно-политические интересы французской интеллигенции в XVIII в. (по журналу Мельхиора Грима, по мемуарам и переписке современников)»¹⁵). После вынужденного перерыва в научных занятиях, вызванного трудностями первых советских лет, она возобновила их, поступив в 1921 г. в университетский семинарий Е.В. Тарле, посвященный изучению взглядов сторонников и противников демократии. Одновременно она посещала семинарий Н.И. Кареева «Французская рационалистическая и революционная идеология XVIII в.», который он читал в 1920–1923 гг. сначала в университете, а затем у себя на квартире¹⁶. Темой исследования М.Э. Либталь стала социологическая система французского философа Жозефа Артюра де Гобино.

В 1922 г. Маргарита Эмильевна была избрана научным сотрудником II разряда недавно созданного при университете Исторического исследовательского института. Она стала непременным участником заседаний неофициального «кружка молодых историков», объединявшего учеников известных петербургских профессоров — Н.И. Кареева, Е.В. Тарле, А.Г. Вульфiusа, С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и др. По воспоминаниям Н.С. Штакельберг, основной целью кружка было ознакомление его членов с готовыми работами, имеющимися у каждого в портфеле, но еще не опубликованными из-за трудностей с печатанием и нигде не доложенными (Исторический исследовательский институт тогда только начал функционировать, и первое время лишь небольшая часть работ молодых историков могла быть сообщена на его заседаниях)¹⁷. В заседаниях кружка принимали участие многие молодые исследователи, впоследствии ставшие известными: С.И. Тхоржевский, С.Н. Валк, А.Н. Шебунин, М.Н. Мартынов, А.А. Введенский, Б.А. Романов; среди участников было много девушек: М.А. Тиханова, М.К. Гринвальд, Т.И. Шатилова, сестры Платоновы, И.И. Любименко, Е.Ч. Скржинская и др.

На ученых заседаниях читались доклады, рецензии, велись дискуссии, сообщалось о новинках литературы и т. д. Собирались в разных местах — в университетских аудиториях, Доме ученых, но чаще на квартирах участников кружка. Время от времени вместо научного заседания объявлялась вечеринка, на которой пили чай, шутили, стави-

ли шарады, играли, танцевали и т. п. М.Э. Либталь на заседаниях кружка бывала часто, иногда предоставляла для их проведения свою квартиру. О ее активном участии в жизни кружка свидетельствует и сохранившееся шуточное стихотворение:

В обращении политична
И в делах она практична,
Но доклад отложен вдаль.
И взамен его тактично
Печет пряники Либталь¹⁸.

На заседаниях кружка М.Э. Либталь действительно выступала нечасто. Участниками заседаний упоминался лишь один ее доклад «Межуары Вильсона о мировой войне и Версальский мир»¹⁹. Между тем Маргарита Эмильевна много трудилась в области исследования немецкой и французской политической мысли эпохи Просвещения и франко-германских отношений в эпоху Великой Французской революции. Ее работы положительно оценивались научными руководителями, предполагались к публикации статьи «К вопросу об анализе внешней политики Франции старого режима у Альбера Сореля» и «Новые данные о Вильгельме II»²⁰, но они так и остались неизданными. Лишь в 1924 г. в академическом журнале по всеобщей истории «Анналы», редактировавшемся Е.В. Тарле и Ф.И. Успенским, была опубликована ее рецензия на книгу «Вудро Вильсон»²¹. К публикации в 5-м номере «Анналов» была намечена статья М.Э. Либталь «Вильгельм II (по новым данным)»²², однако 4-й номер журнала оказался последним. Маргарита Эмильевна во второй половине 1920-х годов еще продолжала заниматься вопросами истории, но ее интересы постепенно смещались в сторону преподавания иностранного языка в высшей школе.

С целью углубления знаний о немецкой культуре и постановке школьного дела в Германии М.Э. Либталь оформила отпуск для поездки в Берлин в период летних каникул в 1924 г. Пробыв два месяца за границей, она доложила о результатах своей поездки на заседании «Общества изучения преподавания языка и литературы» при Государственном институте научной педагогики. Ее коллеги — преподаватели иностранных языков — признавали высокий уровень преподавательской и методической работы Маргариты Эмильевны: она входила в состав комиссии по разбору учебников по иностранным языкам.

Летом 1928 г. М.Э. Либталь второй раз совершила поездку в Германию с целью научно-педагогической работы. Уже находясь за границей, она обратилась в правление рабфака Педагогического института с просьбой продлить предоставленный отпуск: «Осуществив с большим трудом заграничную поездку, хотелось бы максимально ее использовать. Одной из намеченных мною задач было знакомство с работой вузов в Германии. Но, к сожалению, зимний семестр начинается только с 15 октября, и осуществить свое намерение я смогу лишь при условии отсрочки отпуска. Кроме того, я имею возможность остановиться в книжном центре Германии, именно в Лейпциге, и пользоваться его богатейшими библиотеками <...> Для моей работы по специальности более продолжительное пребывание здесь чрезвычайно важно»²³. Руководство Педагогического института ее просьбу поддержало: отпуск был продлен сначала на осенний, а затем и на весенний семестры (до 1 сентября 1929 г.)²⁴. Зиму Маргарита Эмильевна провела в Лейпциге, занимаясь в библиотеке и университете, знакомясь с разными типами школ, весной переехала в Берлин. Весь год в Ленинграде ждали ее возвращения. Считая весьма желательным продолжение ее работы в институте, правление даже в отсутствие М.Э. Либталь поддержало ее переизбрание на должность «как лица с историческим образованием и марксистской установкой»²⁵. Осенью 1929 г., вернувшись в Ленинград, Маргарита Эмильевна продолжила преподавать немецкий язык.

При аттестации педагогического персонала в 1929 г. она получила положительный отзыв: «За время пребывания ее в составе преподавателей Педагогического института им. Герцена она обнаружила умение и любовь к преподаванию, и ей поручались занятия как межкафедретские, так и специальные по чтению марксистской литературы на немецком языке. М.Э. Либталь вела эти занятия с большим успехом, будучи прекрасно подготовленной в этой области»²⁶. По отзыву заведующего иностранным отделением профессора А.А. Брока, «в качестве преподавательницы по межотделенческому преподаванию она из года в год руководила рядом групп по немецкому языку и обнаружила методический талант при ведении этого дела, особенно трудного вследствие незначительного количества предоставленных для преподавания языков времени»²⁷. Решением комиссии она была утверждена в ученом звании старшего ассистента по кафедре германской филологии факультета иностранных языков.

Общаясь со своими знакомыми историками, Маргарита Эмильевна знала о тех тревожных событиях, которые происходили в академи-

ческих учреждениях: о проверках, «чистках», арестах и увольнениях. Но тогда, осенью 1929 г., не предполагали, что это лишь начало большого политического процесса, в который будут вовлечены сотни людей. Постепенно формировалось дело по обвинению в контрреволюции, шпионаже, подготовке антисоветского заговора, готовящегося российской интеллигенцией под руководством известного историка академика С.Ф. Платонова. Поскольку среди «преступных действий» обвиняемых значилась и организация молодежных групп, организованных «для создания и воспитания антимарксистских и антисоветских кадров»²⁸, в начале 1930 г. начались аресты бывших участников неформальных научных групп студентов и молодых исследователей (в том числе и «кружка молодых историков»), работавших под руководством «подозрительных» университетских профессоров.

М.Э. Либталь, понимая, что подойдет и ее очередь, подготовилась к аресту: уничтожила все, что имело отношение к кружку, и всю частную переписку. После ареста ее подвергли не только допросам, но и психологической обработке. По свидетельству Н.С. Штакельберг, сидевшей с ней в одной камере, Маргариту Эмильевну «запирали в карцер без света, кровати, стула, с мокрым каменным полом, без уборной, на хлебе и воде»²⁹. От нее требовали сказать, где хранится архив «кружка молодых историков». На одном из допросов следователь добился того, что измученная женщина подписала протокол с абсурдными утверждениями. Хотя Маргарита Эмильевна и считала, что «вне зависимости от поведения каждого из арестованных в результате следствия будет сделано то, что найдено будет нужным», она очень переживала, что поддалась на провокации следствия³⁰.

По «академическому делу» М.Э. Либталь была приговорена к 10 годам отбывания в лагере³¹. В автобиографии в 1938 г. Маргарита Эмильевна скупо писала, что получила административную высылку на три года (до 16.10.1932), «через год по пересмотру дела в Москве была освобождена, но продолжала работать на Беломорканале уже в качестве вольнонаемной ОГПУ до конца строительства»³².

Так она оказалась в Карелии, в Медвежьей Горе — на станции по Мурманской железной дороге, в 567 км от Ленинграда: с 1930 г. Медвежья Гора была местом расположения лагеря ГПУ в связи с постройкой Беломорско-Балтийского канала (ББК). Там Маргарита Эмильевна познакомилась с известным ленинградским преподавателем и методистом по естествознанию Борисом Евгеньевичем Райковым. Арестованный в июне 1930 г. и осужденный Б.Е. Райков с марта 1931 г.

отбывал наказание в Кемском лагере, где с конца 1931 г. заведовал санитарно-бактериологической лабораторией дорсанотдела ББК НКВД. В своих воспоминаниях Борис Евгеньевич писал: «Наиболее удачным лаборантом была очень умная и культурная женщина средних лет, русская немка, по профессии преподавательница истории и немецкого языка <...> Маргарита Эмильевна Либталь. Она не имела никакого отношения ни к естествознанию, ни к медицине и попала в лабораторию следующим образом. Мне сообщили наши врачи, что в Повенце работает прачкой очень интеллигентная заключенная женщина-историк, которую надо бы выволочь из ее положения, так как она хрупкого здоровья. Я вытребовал ее в лабораторию и стал обучать простейшим анализам. Она оказалась очень способной и скоро усвоила несложную технику исследования мочи и т.п. Это была очень симпатичная и культурная женщина, которая попала в лагерь по делу известного историка Платонова. <...> Кроме работы в лаборатории, Либталь при ее знании немецкого литературного языка помогала мне совершенствовать мой собственный язык, читая мне вслух в свободное время сочинения Гауптмана, Зудермана и других немецких писателей. <...> М.Э. Либталь мне рассказывала, что она, прежде чем попала в лабораторию, спала в одном бараке с прачками на общих нарах»³³. С переходом в лабораторию Б.Е. Райкова Маргарита Эмильевна не только освоила новую для нее специальность, но вернулась в привычную интеллигентскую среду, приобрела новых друзей. В октябре—ноябре 1932 г. даже ездила на две недели в Ленинград в отпуск³⁴.

В 1934 г. она получила разрешение НКВД вернуться в Ленинград, где жили ее сестры, Елизавета и Вера. М.Э. Либталь вновь начала вести занятия по немецкому языку для студентов и аспирантов в ряде учебных заведений города: в Строительном техникуме (1934—1935), Академии наук (в комитете по подготовке кадров) (1934—1936), Институте внешней торговли (1934—1936), Институте инженеров коммунального строительства (1934—1938), на филологическом факультете университета (1935—1938).

Маргарита Эмильевна встречалась с Б.Е. Райковым, оставшимся в Медвежьегорске как вольнонаемный служащий, привозила ему на станцию бумагу, книги, а летом 1936 г. даже гостила у Райковых две недели³⁵. Казалось, жизнь возвращалась в нормальное русло. Однако в 1938 г. на волне антинемецких политических акций сестры Либталь как лица немецкого происхождения были лишены права проживания

в Ленинграде и получили предписание покинуть родной город³⁶. Отныне они могли бывать в нем лишь как гости.

Маргарита Эмильевна на какое-то время исчезла из поля зрения ее друзей и лишь в апреле 1942 г. «отыскалась около города Бежецка, в селе, где преподает в средней школе немецкий язык, ботанику и зоологию»³⁷. Б.Е. Райков, получивший в декабре 1943 г. должность декана естественно-географического факультета в Архангельском пединституте, хотел выписать свою бывшую сотрудницу в Архангельск, но узнал, что она уже полгода как лежит парализованная после инсульта и едва говорит³⁸.

После войны Маргарита Эмильевна, здоровье которой так и не восстановилось, жила в инвалидном доме в Лубенкино, близ станции Удомля в Калининской (ныне — Тверской) области. Ее навещали сестры, часто приезжала Маргарита Константиновна Гринвальд, дружба с которой завязалась еще в юности в исторических кружках; друзья поддерживали письмами, посылками с необходимыми вещами и «вкусеньким». Свой досуг М.Э. Либталь заполняла чтением. Она писала Б.Е. Райкову: «Что я делаю? Я очень много читаю в этом году. Герцен “Былое и думы”, Бобров “Чкалов”, Ал. Толстой “Хождение по мукам”, Мамин-Сибиряк “Хлеб”, “Приваловские миллионы”, Войнич “Овод”, “Наша великая Родина”, Коптяева “Товарищ Анна”, Калатозов “Лицо Голливуда”, Л. Толстой “Война и мир” (много нового), Влад. Попов “Сталь и шлак”, Лаптов “Заря”, Новиков-Прибой “Цусима”. Как раз второй том задержал меня, так как я заболела. Я не все перечислила, более мелкие пропустила. Я очень люблю читать газеты. Я выписала себе “Известия”, 3 месяца. Не знаю, как будет дальше для меня. Я принимаю участие в политическом кружке. Мы изучаем биографию Сталина и историю Всесоюзной коммунистической партии. Вот и все...»³⁹

После второго инсульта, случившегося 20 июля 1959 г.⁴⁰, врачи констатировали, что ее положение безнадежно, и через несколько дней⁴¹ Маргариты Эмильевны Либталь не стало.

1. Вольмар — немецкий вариант названия уездного города Valmiera в Лифляндской губернии (ныне — в Латвии).

2. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18776. Л. 6.

3. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5711. Л. 242.

4. О нем см. статью: Груздева Е. Н. Александр Германович Вульфийс (1880–1941) // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 152–162.

5. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3506. Л. 10, 12.

6. РО РНБ. Ф. 585 (Платонова). Д. 439. Л. 8 об.—9.

7. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3506. Л. 3—4.

8. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5697. Л. 25.

9. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 8.

10. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18776; ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 41.

11. Институт был создан в Петрограде в 1919 г. в целях подготовки учителей для красноармейских школ грамотности, в 1925 г. преобразован в Военную политическую академию.

12. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 21об.

13. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 791. Л. 4.

14. *Стильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем: роман. СПб., 1993. С. 118, 145.

Любопытно, что М. Э. Либталь запомнилась студентам как «немолодая женщина», хотя в 1927 г. ей было всего 38 лет.

15. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 6, 8.

16. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 284—285.

17. *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In тетраграм: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 34.

18. Там же. С. 40.

Б. Е. Райков в своем автобиографическом очерке «На жизненном пути» приводит эпиграмму (возможно, со слов самой М.Э. Либталь) — строки, по видимому, из того же стихотворения, но несколько переиначенные: «Но прошли два-три собрания, / А доклад отложен вдаль. / И, забыв про обещанья, / Печет пряники Либталь» (СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 24. Л. 152).

19. Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 50 (из показаний С.И. Тхоржевского от 16.01.30).

20. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 3, 6.

21. *Либталь М.Э.* Вудро Вильсон (рец. на кн.: Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя Американского комитета печати на Версальской конференции Стеннарта Бекера / Пер. А.Н. Карасика; предисл. М. Павловича. ГосИзд., 1923. Т. I) // *Анналы.* 1924. Т. IV. С. 301—304.

22. Фигура Вильгельма II была очень популярна в начале 1920-х годов: в тех же «Анналах» к ней уже обращались А.Г. Вульфийус (в № 3 рец. на его мемуары «Вильгельм II о себе самом») и П.П. Щеголев (в № 4 рец. на опубликованную переписку Вильгельма II и Николая II).

23. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 4.

24. Там же. Л. 34, 36.

25. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 791. Л. 4.

26. Там же. Л. 1.

27. Там же. Л. 4.
28. Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 54 об.
29. *Штакельберг Н.С.* Указ. соч. С. 59.
30. Там же.
31. См.: *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 230.
32. СПФ АРАН. Ф. 222. Оп. 5. Д. 38. Л. 105, 111 об.
33. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 24. Л. 151–152, 154.
34. СПФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 423. Л. 48.
35. Там же. Д. 422. Л. 60–62.
36. Вера Эмильевна обосновалась в Енисейске (ум. в 1957 г.), а Елизавета Эмильевна после войны жила в Латвии, мечтала вернуться в Ленинград, но так и не дождалась соответствующего разрешения прокуратуры. Б.Е. Райков в 1965–1966 г. пользовался услугами Е.Э. Либталь как переводчицы с немецкого, пересылая ей письма членов семьи Бэра.
37. СПФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 422. Л. 132 об.
38. Там же. Л. 147–147об.
39. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 254. Л. 3 об.—4.
40. Там же. Д. 255. Л. 3.
41. Точная дата смерти не установлена: на открытке из Удомли с известием о втором инсульте стоит дата 22 июля, тогда Маргарита Эмильевна еще была жива (СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 255. Л. 3).